

О так называемой «срединной» позиции древнегреческого ударения

А. М. Белов

Новым подходом к изучению древнегреческой акцентной системы явилось рассмотрение древнегреческого ударения в терминах акцентных парадигм, уже давно и широко используемый славистами, балтистами, санскритологами и специалистами в других индоевропейских и неиндоевропейских языках¹. Если классические работы (Тронский, 1962; Schwyzer, 1977; Sihler, 1995) предпочитают пользоваться более традиционными категориями для описания древнегреческого ударения, то уже начиная с генеративистов П. Кипарского (1973) и Д. Стериادي (1988) идея морфологизированных акцентных парадигм – или других близких к ним категорий – начинает применяться и в древнегреческой акцентологии.

В последнее время появилось несколько крупных работ, вполне последовательно использующих этот методов исследования древнегреческого ударения. Так, в работе (Probert, 2006), имеющей более эмпирический характер, даётся попытка объяснить акцентогенность некоторых древнегреческих суффиксов (главным образом для т.н. «неподвижных» парадигм 1-2 склонения) и их влияние на окситонность или баритонность тех или иных слов. В работе (Белов, 2015), напротив, имеющей более теоретический характер, сделана попытка построения общей (абстрактной) теории древнегреческого ударения, рассмотренного в терминах окситонной и баритонной парадигм; при этом эмпирические данные Проберт послужили отправной точкой моих исследований в этом направлении.

Тем не менее, между подходом Проберт и принципами, изложенными в (Белов, 2015), имеется ряд существенных расхождений по самым принципиальным вопросам. Один из них — это число акцентных парадигм в древнегреческом языке. Так, Ф. Проберт, обычно предпочитая не использовать термин парадигма, говорит как бы о трёх принципиально различных случаях древнегреческой (именной) акцентуации: это конечное ударение ($\approx$ окситонеза), рецессивное ударение ($\approx$ баритонеза) и «срединное ударение» (*intermediate accentuation*), которое наблюдается в случаях типа *παρθένος* или «каландовых суффиксов» типа *-ύλος*. С другой стороны, в наших работах, напротив, последовательно отстаивается разграничение именно окситонезы и баритонезы, причём окситонеза понимается не просто как ударение на последнем слове (в начальной форме), и даже не просто как ударение на последней слоговой основе, но как именно морфологизированно-парадигматическое ударение (Белов, 2015, 334), противопоставленное тем самым баритонезе, рассматриваемой как немаркированное категориальное ударение «по умолчанию».

Так получается, что слова, относимые Ф. Проберт к срединной акцентуации, которые действительно имеются в наличии, казалось бы, должны противоречить высказанному в моих работах положению, что для древнегреческой акцентной

1 См.: Дыбо, 2001; Зализняк, 1985; Красухин, 2004а; Николаев, 2010; Николаев & Старостин, 1982 и многие другие работы.

системы достаточно выделять только две акцентных парадигмы – окситонную и баритонную. Задачей этой работы я вижу, во-первых, объяснить это кажущееся недоразумение, а во-вторых, показать принципиальную разницу между нашим подходом и подходом Филомены Проберт.

Что такое срединная позиция ударения?

В первую очередь важно отметить о, что материалом для исследований Проберт служили греческие слова, главным образом, классического и более позднего времени, когда как поле мои исследований имело существенную индоевропейскую составляющую; в центре исследования Проберт лежит эмпирическая классификация греческих слов этого (сравнительно позднего) периода и объяснение ряда акцентных аномалий с учётом лексикостатистики и морфологических данных. Задачей работы (Белов 2015) было структурное объяснение формирования древнегреческой акцентной системы в её ранний период и построение некой её общей теории. Поэтому единицы классификации, принятые в обеих работах, будут существенно различаться.

Если выделение тех или иных акцентуационных типов преследует цели формальной классификации (к примеру, подобную же функцию исполняют традиционные *oxytona*, *perispomena*, *properispomena* etc.), то выделение той или иной акцентной парадигмы имеет вдобавок ещё и предсказательно-объяснительный смысл, как это имеет место в случае славянской, балтийской и многих других акцентных систем. Все эти соображения заставляют нас по-новому поставить вопрос о том, что представляют собой древнегреческие слова имеющие т.н. «срединную акцентуацию», и составляют ли они отдельную акцентную парадигму. В начале скажем о том, что представляют собой упомянутые баритонеза и окситонеза.

Древнегреческую **баритонезу** разумно рассматривать как рецессивную акцентную схему по умолчанию, когда ударение занимает максимально удалённую от конца позицию. В древнегреческом языке ионийско аттического диалекта, в котором, как и во многих других диалектах, действует закон крайней позиции, ударение не может уходить нале во дальше третьего слога. Уже установлено, что точным определением этой позиции можно считать третью вокалическую мору от конца, если для выделения мор применяются правила, сформулированные в (Белов, 2015, 5.3). Ударение древнегреческой баритонезы в этом смысле оказывается категориальным по своей природе, сохраняя, однако, в ряде особо специфических случаев некоторую зависимость от морфологических ограничений и создавая тем самым эффекты «дальней» и «ближней» баритонезы².

Окситонеза, напротив, представляет собой реликты представляет собой реликты парадигматической системы, сохранившейся в древнегреческом языке ещё с ранних времен (*θυμός* при скр. *dhūmās* 'дым'), либо в ряде случаев инновации,

2 Похоже, что упомянутые эффекты «дальней» и «ближней» баритонезы есть проблема не ударения, но морного членения фонетического слова в условиях морфонологической сложности. Подробнее см. в связи с «околовандриесовской» проблематикой (там же: 5.7.1.3).

построенные по аналогии к этим древним явлениям и повторяющие их фундаментальные свойства. К таковым свойствам следует относить: 1) стремление к акцентуации конца слова (в идеале – последняя мора основы), 2) стремление к колумнальности (в идеале – сохранение ударения на той же мере во всех формах) и 3) морфологическая обусловленность. Наша модель, продолжающая некоторые идеи Д. Стериади, предполагает, что в случае нахождения в исходе слова доступной для ударения акцентогенной морфемы, это слово будет приобретать окситонезу, тогда как отсутствие таковых морфем или потеря ими акцентуации будет приводить к переходу слова в баритонезу. Примером такой минимальной пары для ионийско-аттического будут случаи типа *θυμός* 'дух, дыхание' (отглагольное существительное от *θύω* 'дуть' > 'дымить, воскурять, приносить жертву') при *θῦμος* 'тимьян, душица' ('пахучее растение' с потерянной отглагольной мотивацией). Ещё более радикальный пример дают нам данные эолийского диалекта греческого, в котором была утрачена акцентуация всех конечных морфем, что привело к развитию повальной баритонезы в этом диалекте.

В связи с вышесказанным, именно функциональные особенности ударения в данном типе слов, а вовсе не буквально рассмотренная его позиция в номинативе должна служить основанием для выделения слова как окситона. Так, например, в древнегреческом языке имеется великое число окситонных форм с ударением не на последнем слоге – например, слова «подвижного» 3-го склонения (типа *ἄσπις* > *ἄσπιδος*), у которых морфонологизированное ударение колумнально занимает одну и ту же меру конца основы, оказываясь при этом в большинстве форм во втором слоге. Можно спорить, новый ли это окситон или старый, но сама окситонность его не вызывает сомнения. Аналогично как окситоны разумно рассматривать сложные слова с ударением на втором компоненте (типа *ἱερολόγος* 'говорящий священное', 'прорицающий'), в чём мы вполне следуем некоторым трактовкам, высказанным ещё П. Кипарским в 1973 году.

Сделав эти оговорки, посмотрим теперь на важнейшие случаи т.н. «срединной акцентуации» и задумываемся, составляют ли они отдельную акцентную парадигму для раннегреческого и для позднеклассического времени.

Важнейшие случаи «срединной акцентуации»

Если для признания того факта, что окситонеза (типа *καλός*, *θυμός*) имеет самостоятельное положение в ионийско-аттическом диалекте, никаких доказательств, видимо, не требуется, то проблема самостоятельности срединной позиции ударения в действительности гораздо более сложна, чем представляется на первый взгляд.

Под ударением в срединной позиции я буду понимать исключительно тот случай, когда ударение ионийско-аттического диалекта (а точнее, койне) занимает вторую от конца вокалическую меру, расположенную не в последнем слоге и взятую с условием высказанных выше оговорок. Иными словами, речь идёт о случаях типа *ὀλίγος* 'немногий', *παρθένος* 'дева') и т.д. Зададимся вопросом, насколько срединная позиция ионийско-аттического слова была свободна для постановки в неё ударения.

Какие же у нас есть наиболее распространённые типы слов имеющих срединное ударение? Вот важнейшие из них, собранные по различным источникам, главным образом — по сформированному мной подкорпусу раннегреческих текстов.

1. Слова на с суффиксами *-ίλο-*, *-ύλο-*, послужившие специальным объектом исследований Филомены Проберт (Probert, 2006, p. 209 sqq.). Это такие образования, как *ποικίλος* ('пёстрый'), *στρογγύλος* ('круглый') и т.д. Всего слов этого типа со срединным ударением известно порядка трёх десятков; в подавляющем большинстве случаев (точнее практически во всех) ударение перенесено на второй слог с последнего по закону Уилера³. По данным Проберт имеются два надёжных слова этой категории, представляющие собой трибрахий и потому не могущие подчиниться закону Уилера: *τροχίλος* ('Egyptian plover') и *φρυγίλος* ('chaffinch'). Их акцентуацию можно объяснить аналогией, когда, после окончания действия закона Уилера акцентуация этих слов стала восприниматься как обязанная своим происхождением суффиксу (т.е. возникла как бы «новая окситонеза»).

2. Образования с уменьшительным суффиксом *-ιον*: *βιβλίον*, а также те слова с омонимичным исходом *-ιον*: *ἀντίον*, *πλησίον*. Позднее широкое распространение первых очевидно, но некоторые из них есть у Гомера: *τειχίον* (Od. 16, 165, 343), *ἰνίον* (Il. 5, 73), *πηνίον* (Il. 23, 762), *ἐρκίον* (Il. 9, 476; Od. 18, 102), *ἰστίον* (Il. 1, 481; Od. 2, 427), *νυμφίον* (Od. 7, 65), *ἀμνίον* (?) (Od. 3, 444). Есть имена: *Κλυτίον* (Il. 3, 147; Il. 20, 238), *Σχεδίον* (Il. 15, 515, Il. 17, 306, Il. 20, 13), *Στιχίον* (Il. 15, 515), исконное ударение которых крайне сомнительно. Но основную массу составляют формы (*ἐν*)*αντίον*, *πεδίον*, *πλησίον*, *μυρίον*, употреблённые в использованном корпусе соответственно 114, 47, 19, 4 раза. (Всего 184 раза.) Обращает на себя внимание то обстоятельство, что почти все слова 10 из 12 (если не считать имён) имеют дактилический исход так, как если бы ударение было перенесено по закону Уилера; однако едва ли можно предполагать для них исконную окситонезу. Скорее это следовало бы рассматривать как «аналогическое» правило к другим дактилическим словам, реально подчинившихся закону Уилера.⁴ Тогда из нарицательных остаётся, по сути, только *πεδίον* ('равнина'), которое можно было бы рассматривать или как аномалию, или как вторичную нормализацию ударения в позднейшие времена.⁵ В любом случае кажет возможным говорить о позднейшем морфологическом сближении акцентуации в словах на *-ιον* с предыдущим типом.

3. Слова (прилагательные) с суффиксом *-αλέος*: *ἀργαλέος*, *σμερδαλέος*, *λευγαλέος*, *δαυδαλέος*. . . и слова на *-αρέος*: *καρχαρέος*, *νατταρέος*... Встречаются уже у Гомера: всего 11 слов, около 100 употреблений. Акцентуация подтверждается Хировоском (*De orthog.* 195, 19). Швицер (Schwyzer, 1977, S. 484) указывает на чередование *-αλέος/-νός* (и соответственно *λ/ν*: *σμερδαλέος/σμερδνός*, что должно указывать на особую древность этих образований. Примечательно, что в

3 Это признаётся и Проберт (p. 94). Напомним, что закон Уилера предполагал перенос ударения с последнего слога на предпоследний в словах с дактилическим исходом; соответственно изначально эти слова были полноценными окситонами.

4 Возможно и другое объяснение, предполагающее в ряде случаев сохранение ударения по аналогии к первообразной форме: *ἀντίος* : *ἀντί*.

5 Наконец, все эти случаи можно было бы рассматривать последним образом, но это было бы, наверное, всё же излишне самонадеянно.

чередовании участвует окситонический суффикс. Заслуживает внимание и указание Швицера на ионийскую природу этих форм и сохранение их именно в ионийской традиции, особенно в языке медицинской прозы. Встречаются также и у Геродота. Эти образования нам будут весьма интересны в дальнейшем. Также, видимо, слова на *-αρέος*: *καρχαρέος*.

4. Слова на *-ίσκος*, имеющие уменьшительные или уничижительные значения. Очень распространены начиная с классического времени (особенно после Аристофана). Самые ранние упоминания: *αὐλίσκοισι* (Theog. 1, 241), *μελίσκον* (Alc. fr. 36, 1), *στεφανίσκους* (Anas. fr. 65, 1). Сведения об акцентуации: Геродиан (Paron. 3, 2, 859, 22), Хировоск (De orthog. 176,20).

5. Сложные слова (*ἱερολόγος*), отличающиеся особенностями акцентуации с индоевропейских времён и потому достойные отдельного рассмотрения.⁶

6. Неравносложные имена третьего склонения (и причастия) с окситонной основой, имеющие в косвенных падежах парокситонезу: *ὀδοῦς*, *ὀδόντος*, *λυθυεῖς*, *λυθέντος*. Их, как уже было сказано, я предлагаю (вслед за П. Кипарским) рассматривать как особый вариант окситонезы (с приращением дополнительных мор в отдельном слоге), и поэтому сюда они прямого отношения не имеют.

7. Отглагольные образования на *-τέος*: *πρακτέος*: суффикс этот притягивал ударение ещё с индоевропейских времён (ср. санскр. *-táva*), однако в греческом эти слова должны были в основной массе ещё и попасть под закон Уилера массе ещё и попасть под закон Уилера; после этого их, вероятно, следует считать грамматикализовавшими своё ударение.

8. Отдельные глагольные формы (например, инфинитив 2-го аориста: *πυθέσθαι*), представляющие собой вероятную грамматикализацию. Этот случай тоже выглядит весьма архаическим, однако ситуация усложняется тем, что такое ударение как правило сопровождается нулевой ступенью корневого гласного. Некоторые мысли, касательно этого случая ударения высказаны мной в (Белов, 2016).

9. Имена первого склонения с парокситонезой в начальной форме: *ἡμέρα*. Традиционная грамматика приписывает им сохранение парокситонезы и в nom. plr. с кратким *-αι*, однако обращение к источникам показывает нам, что это лишь позднейшее выравнивание, ставшее чертой койне. Так Аркадий (153, 2-3) говорит о том, что такие слова как «*ἡμεραι εὐπράξιαι τιμώριαι αἵτιαι* Афиняне, передвигая ударение (*οἱ δὲ Ἀθηναῖοι προπαροξύνουσι τινὰ μονογενῇ*) единообразно произносят как *ἡμεραι εὐπράξιαι τιμώριαι αἵτιαι*.»

10. В отдельную группу я отнесу слова *μεγάλοι* и *ὀλίγοι*, хотя первое из них тоже могло бы оказаться как в группе No1, так и в группе No9. Слово *μεγάλοι* выравнивало позицию своего ударения аналогично *ἡμέρα*, поскольку во всех других формах ударение на этом же гласном приписывается правилами баритонезы. Что касается слова *ὀλίγος*, то оно, по тонкому замечанию А. Нуссбаума, цитируемому Д. Стериادي (Steriade, 1988, p. 274: прим. 2), попало под аналогию близкого к нему и по смыслу и по форме *μεγάλοι*⁷. К этой же группе можно было бы отнести несколько

6 Об особенностях в поведении ударения сложных слов в различных и.-е. языках см., например, Зализняк, 1985; Красухин, 2004а. Специальное исследование некоторых из этих слов в греческом – см. Белов, 2015, 6.3.2.4.

7 Это можно было бы сравнить и с выравниванием ударения в таких русских словах как *служба* и

гloss (например, ἀθίλοι· κόγχου θαλασσίας εἶδος Hes. δνοφέος: κάλυμμα Hes.), ударение в которых непонятно. Также непонятно в акцентном отношении имя Κλονίος (Π. 15, 340).

11. Наконец, в отдельную группу можно отнести наречия, местоимения и близкие к ним образования (ἐνθάδε, Μεγαρόθεν), которые, по справедливой мысли Дональда Ринге и Донки Стериadi (Ringe, 1977; Steriade, 1988, p. 294), разумно рассматривать как исконно энклитические образования и потому также не имеющие прямого отношения к рассматриваемой проблеме.

Выводы

Список явно не полный. Об истории ударения во многих словах нам ничего не известно. Но основное, как кажется, из него вывести всё же можно. Если относить правило третьей моры к периоду предшествующему тому, когда начал действовать закон Уилера, то у нас (из даже относительно продуктивных моделей) есть некоторое число случаев, позволяющих говорить о «срединной акцентуации» (в терминологически нестрогом смысле слова), но практически нет надёжных случаев, чтобы говорить о срединной акцентуации как о какой-то самостоятельно акцентной парадигме. Это получается потому, что имеющиеся древние примеры (слова на -αλέος, -αρέος, спорадические глагольные формы из п. 8, возможно, также отглагольные образований на -τέος) оказываются вполне вписывающимися в сформулированные выше правила окситонезы.

В самом деле: во всех этих случаях мы наблюдаем морфологизированную колумнальность, возникшую в исходе основы и обязанную своим происхождением каким-то морфологическим процессам, способствовавшим выделению суффикса или другой морфемы как ударной; другое дело, что ударность эта приходится не на последнюю мору слова, но, как мы уже видели, это не есть обязательное требование окситонезы.

Однако также очевидно и то, что в основной своей массе срединная позиция ударения есть позднейшая инновация, давшая впоследствии, после окончания действия старых акцентных законов, большое акцентное разнообразие форм. Возможно, что при определённом желании исследователь имеет полное право говорить о «срединной» акцентной парадигме в греческом языке эллинистической или позднейшей эпохи, но едва ли такая категория будет хорошо применима к раннегреческому или даже к ионийско-аттическому диалекту в эпоху греческой архаики. Поэтому кажется справедливым сохранить для индоевропейской перспективы исследования древнегреческого ударения систему из двух парадигм – окситонной и баритонной, – понимаемых, однако, не буквально, а функционально – т.е. в связи их вовлечением в процессы фонологии, морфологии и/или морфонологии. Такая постановка проблемы, как кажется, имеет определённые перспективы не только для изучения греческого языка, но и для индоевропейской акцентологии в целом.

дружба (исконно *дружба́*), отмеченным акад. А. А. Зализняком (устное сообщение).

Литература

- Белов, А. М. (2015). Древнегреческая и латинская просодика (мора, ударение, ритмика). М.: Academia.
- Белов, А. М. (2016). Notae prosodicae: Об ударении в греческом тематическом аористе // Сретенский сборник. Т. 6. — С. 97–105. М.
- Дыбо, В. А. (2001). Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Том I. М.: Языки русской культуры.
- Зализняк, А. А. (1985). От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука.
- Красухин, К. Г. (2004). Аспекты индоевропейской реконструкции. М.: Языки славянской культуры.
- Николаев, А. С. (2010). Исследования по праиндоевропейской именной морфологии. Спб: Наука.
- Николаев, С. Л. & Старостин, С. А. (1982). Парадигматические классы индоевропейского глагола // Балто-славянские исследования 1981. М.
- Тронский, И. М. (1962). Древнегреческое ударение. М.-Л.
- Kiparsky, P. (1973). The inflectional accent in Indo-European. *Language*, 49, 794–849.
- Probert, P. (2006). *Ancient Greek Accentuation: Synchronic Patterns, Frequency Effects and Prehistory*. Oxford: OUP.
- Ringe, D. (1977). The accent of adverbs in *-then*: A historical analysis. *Glotta*, 55, 64–84.
- Schwyzler, E. (1977). *Griechische Grammatik*. München.
- Sihler, A. (1995). *New Comparative Grammar of Greek and Latin*. N.Y. –Oxford: OUP.
- Steriade, D. (1988). Greek accent: a case for preserving structure. *Linguistic Inquiry*, 19, No.2, 271–314.